

Билингвизм как психолого-педагогическая проблема

Язык – это необходимое условие для становления и развития человеческой психики. Он является не только средством выражения личности, но, при определённых обстоятельствах, и главным средством формирования этой самой личности. Способность к человеческому развитию реализуется в первые 8-10 лет жизни. И главное здесь – языковая среда. Без неё человек уже никогда не станет человеком. Так, например, в 1920 году индийскому психологу Сингху удалось отнять у волков двух девочек : возраст одной был примерно 8 лет, другой 1,5 года. Они бегали на четвереньках, пугались людей, огрызались, по-волчьи выли по ночам. Сингх пытался перевоспитать их, научить жить в человеческом обществе, но почти безрезультатно. Младшая девочка умерла через год. Старшая дожила до 17 лет. Она отвыкла от многих волчьих повадок, но всё же, когда торопилась, опускалась на четвереньки. Речью она, по существу, не овладела, с большим трудом научилась правильно употреблять всего 40 слов. Человеческое общение для неё осталось навсегда чуждым и неестественным.

С этой точки зрения язык рассматривается не просто как система абстрактных грамматических правил или как простая речевая реакция. Он представляется как тесное переплетение этих двух аспектов с системой отношений, ценностей, образов, ритуалов и всех разноплановых событий и фактов, составляющих жизненный опыт.

Как считает Брюс Бейн, языки рассчитаны на то, чтобы улавливать знания строго определённым образом. Как сети бывают сплетены из бечевы, так языки сделаны из символических нитей. Говорящий на данном языке заранее предрасположен понимать определённым образом предметы и события. Одновременно он бессознательно игнорирует или придаёт меньшее значение другим вещам, включая представления других людей. Относительно друг друга каждый язык содержит тысячи тонких различий, составляющих реальный мир различных народов. Вот несколько примеров. У армян, как впрочем и у русских, очень сложная система разных названий родственников. Особенно в прошлом, когда в одной семье жили тётки и дядя, племянники и двоюродные сёстры, это было важно. Скажем, у англичан и французов такой необходимости никогда не было: слова «тесть» и «свёкор» в английском языке выражаются одним понятием – “father-in-law” во французском соответственно – “beau-père”, а шурина и деверя они называют одним словом “brother-in-law” в английском и “beau-frère” во французском. Скажем, выражение “sister-in-law” может означать одновременно и золовку, и невестку, и свояченицу.

Возьмём слово «плыть». Наш язык не даёт нам возможность увидеть через глагол существенную разницу в том, что именно плывёт – человек, корабль или, например, бревно. Здесь наш язык игнорирует образ действия в отличии от французского и английского языков, где, грубо говоря, плавают по-разному и бревно, и корабль, поэтому для названия этих действий существуют разные глаголы. Если речь идёт о человеке, то в английском языке употребляют глагол “to swim”, если о корабле, то “to sail”, если о бревне, то – “to drift, to float”.

Мы с вами большие любители собак и очень ясно различаем дога и спаниеля, овчарку и болонку. В жизни папуаса на Сиоии собака не играет такой роли, ему не нужны названия различных собачьих пород, хватает одного слова – «мотик». Но зато нам хватает одного слова «джунгли», там, где папуасу на Сиоии его никак хватить не может. Слово «подаг» означает для него негустой лес с лужайками, собственно джунгли называются «джаба», если они проходимые, и «итаки» - если они непроходимые. Есть и другие названия.

Ещё более интересные явления мы обнаруживаем в области языковых универсалий. Что нужно для того, чтобы построить предложение? В русском языке нужна грамматика, точнее морфология и синтаксис. Во вьетнамском для этого нужен порядок слов. То есть один синтаксис, без морфологии. Во многих языках часть речи зависит от синтаксической роли слова в предложении. Есть языки, в том числе английский, французский, где глагольных времён в несколько раз больше, чем в русском. Для нас неважно, было ли это минуту назад или тысячелетие – всё равно прошедшее. Для англичан и французов это очень важно. Зато для нас важно, что стол – это «он», а луна – «она» - к чему английский язык совершенно равнодушен: его существительные не имеют категорию рода. А также падежа. В Нигерии есть язык, где нет категории числа. Просто нет. Чтобы сказать «собаки», там просто ставят местоимение «они»: «они собака». А если нужно точно сказать сколько собак, это выглядит так: «собака три», то есть «три собаки». В очень многих языках вообще нет прилагательных. Из трёх частей речи, которые мы считаем, так сказать, «главными» - существительное, прилагательное, глагол – только существительное и глагол обязательны – без них нет ни одного языка на свете! Это впервые заметил французский учёный Жорж Вандриес. Нет языка без числительных, без местоимений, без союзов. Нет языков без наречий! А вот без предлогов есть. Лакский. В русском языке всего пять указательных местоимений: тот, этот, такой, таков, столько. А, например, в элеутском языке русский учёный Иннокентий Вениаминов обнаружил несколько десятков!

У билингвистов отмечается более гибкое мышление, чем у монолингвистов: два языка взаимно обогащаются и дают больше пространства для развития. Сущность этого процесса отмечал Гёте, который сказал, что тот, кто не знает второго языка, не знает как следует и своего собственного.

Ронье провёл несколько интересных исследований, касающихся последствий билингвизма. Он наблюдал ребёнка, которого воспитывали в соответствии с

принципом «один родитель—один язык». В исследовании Ронье этот принцип означал, что отец разговаривал со своим ребёнком только по-французски, а мать – только по-немецки.

Главным открытием Ронье стало то, что к 5 годам ребёнок выучился говорить на двух языках одновременно: он различал оба языка с минимальными лексическими и грамматическими путаницами; беглость владения обоими языками была выше, чем у среднего ребёнка, воспитанного в моноязычной среде.

Исследования Ронье были продолжены Вернером. Он подтвердил основные данные Ронье и добавил ещё одно важное открытие. По его мнению, одним замечательным эффектом билингвизма на лингвистическое развитие ребёнка является заметное ослабление привязанности фонетического звучания слова к его значению.

Ребёнок – билингвист с раннего детства привязан гораздо меньше к одному виду связи – слово – объект, слово – событие, чем ребёнок – монолингвист. Монолингвист более расположен замечать объекты или события в одном ракурсе. Билингвист более расположен относиться к тем же самым объектам и событиям по-разному из-за большей гибкости его лингвистического опыта. Выдающийся русский учёный – лингвист Л.В.Щерба считал знание двух языков радикальным средством преодоления ригидности (негибкости) сознания и его освобождения от доминации знака. «Изучение двух языков - писал он, - освобождает нас от влияния слов, показывает нам вещи так, как на самом деле они существуют в природе». Большой интерес представляет утверждение Ламберта о том, что дети, воспитанные в двуязычной среде, менее склонны к косности и созданию стереотипов.

Таким образом, познавая себя и свой мир через призму не одного языка ребёнок приобретает потенциальную возможность стать психически здоровым и социально-культурным человеком. Главным основанием для билингвистического воспитания являются его широкие возможности для развития мышления.